

*Н. СВЕШНИКОВ,
рабочий завода „Старый Леснер“*

ИЗ ЭПОХИ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

И перед февралем 1917 года и после, вплоть до работы в Красной гвардии в Петрограде, мне пришлось быть в городе членом Выборгского районного комитета партии, так сказать, потомственным его казначеем. Такие изо дня в день необходимые партийные обязанности сделали меня нужным работником в районном комитете. Наша партия большевиков в те времена была на хозяйственном расчете, и мы все сознавали не только идейную сущность распространения литературы, — тут не на последнем месте был и денежный расчет, ибо, как теперь уже и историей подтверждено и доказано, немецкие и прочие миллионы большевикам в руки не попадали, как это утверждала буржуазная пресса.

И я помню, как тов. «Дядя» (Лацис), будучи у нас пропагандистом, бегал по городу за всякой марксистской литературой, чтобы потом ее продавать в районе. Район также продавал и «Правду». И вот вся эта масса рублей и пятачков и даже копеек попадала ко мне для сортировки и подсчета.

Помню, как, бывало, отработав у станка (я работал токарем), наскоро чего-нибудь перекусив, а то и так, бежал я в районный комитет, чтобы продавать литературу, подсчитывать кассу: в этом тогда выражалось наше хозяйство. А районный комитет — это комнатка в доме № 62 по Большому Сампсониевскому еще тогда проспекту, которую нам бесплатно давал районной думы

голова, тов. Лев Михайлович Михайлов (литературный псевдоним Политикус).

Да, мы жили под покровительством петербургского пролетариата и, в частности, его славного отряда — Выборгской стороны. Сюда была закрыта дорога для всяких юнкерских и прочих официальных соглашательских элементов — как на заводы, так и вообще на территорию района — даже в самые тяжелые дни травли нашей партии — в июле 1917 года.

И вот, будучи такой постоянной спицей в руководящей машине района, будучи сам очевидцем, свидетелем и участником многого, когда хочешь об этом рассказать, то бываешь прямо подавлен той колоссальнейшей лавиной фактов, которые пробегают в памяти.

Возьмите хотя бы только «корниловские дни». Что делалось тогда на заводах? На что уже наш завод «Старый Лесснер» не отличался большевистским засильем, и то нам всегда удавалось на заводе проводить ранее намеченные решения. Это с тех дней, даже на нашем заводе, не говоря о других, более революционных, рабочие оставались после работы на военную учебу, чтобы стать Красной гвардией рождающейся диктатуры пролетариата. Популярность нашей партии росла необычайно, это подтверждали все агитаторы, заглядывавшие в районный комитет после заводских собраний. Теория революционного марксизма, гениально приложенная к текущим событиям и проводимая нашим Центральным Комитетом под руководством тов. Ленина, так необычайно умевшим из подполья учитывать силы революции, — эта теория дала нам то оружие и силу, благодаря которым мы, большевики, стали естественно, руководителями этих масс.

Я помню, как перед «корниловскими днями» наш Центральный Комитет и центральный орган партии «Правда» основали свои штабы на Выборгской стороне по Финляндскому проспекту в доме № 6, занимая небольшие комнатки за № 4 в третьем этаже. В одной из них обрелся тов. Вячеслав Молотов (Скрябин), обложенный всякими газетами и вырезками, в другой — Мария Ильинична (Ульянова), собиравшая рабочие письма в «Правду». Я помню, как она, бывало, убеждала нас писать о рабочих настроениях, о всех мелочах и деталях заводской действительности и заставляла писать других. И мы

урывали время, строчили часто свои первые неопытные заметки.

В этом же этаже помещался и районный комитет меньшевиков. В дальнейшем с ними вышел курьезный случай. 24 октября 1917 года какой-то ретивый полковник с десятком юнкеров из бывшего Михайловского артиллерийского училища поздно вечером вломился в клуб рабочих завода Нобеля (клуб этот помещался во втором этаже этого же здания). А так как стратегия белогвардейцев в те дни еще не наловчилась делать фронт в домах, то военные налетчики замешкались и тем самым дали возможность (в этот момент в клубе был председатель его — Михаил Плетнев с завода Нобеля, умерший от тифа в 1919 году) узнать, что они ищут, а искали они по собственной (так как никакого официального документа полковник не предъявил) инициативе тов. Ленина, будто бы живущего здесь в комнате такой-то. (Адрес был редакции центрального органа нашей партии). Было и смешно и досадно: перед этим из клуба только что ушли красногвардейцы и не было возможности арестовать пришедших налетчиков. Мы старались выиграть время, немедленно сняли номерок с комнаты «Правды» и сообщили в штаб Красной гвардии и на завод «Старый Леснер». Когда полковник плутал по третьему этажу, попав даже к меньшевикам, он был арестован вместе с юнкерами подоспевшими красногвардейцами и доставлен в штаб Красной гвардии Выборгского района.

Перед октябрьскими событиями Выборгский районный комитет нашей партии перебрался на Лесной проспект в дом № 13 (и тоже обретался в одной комнатке), а в других помещался штаб Красной гвардии, где начальником был тов. Кирилл Орлов; ему помогал во всем районный комитет, осведомленный через «Дядю» и «Женю» (Егорову) о всех деталях конспирации. А конспирация, можно сказать, выпирала наружу: усиленно доставлялось оружие всевозможных видов, обмундирование и всякое снаряжение. По заводам чувствовалось какое-то особенное революционное напряжение, так сказать, затишье перед бурей. Районный комитет, районный Совет и штаб Красной гвардии просиживали буквально целыми ночами. Работа кипела вовсю, заводская публика, не только члены партии, а и масса беспартийных, ходила под руководством инструкторов штаба Красной гвардии

на маневры, на учебную стрельбу и т. д. С каждым днем число постов для окарауливания всё увеличивалось и увеличивалось. По заводам шли непрерывные дежурства и военная учеба. События неумолимо назревали. Штаб Красной гвардии не мог ютиться в двух комнатах, он перебрался на Большой Сампсониевский проспект в дом № 33 и сразу занял оба этажа, организовав внизу чайную для красногвардейцев.

Оружие выборжцы, можно сказать, собирали еще с февральских дней постоянно и упорно, пополняя свои запасы через Сестрорецк, Петропавловскую крепость, Кронштадт, а в «корниловские дни», пользуясь бумажкой Церетели, вывезли много огнеприпасов из Шлиссельбурга. Районный комитет и районный Совет были тогда еще на Большом Сампсониевском проспекте в доме № 62, и я, как сейчас помню, как однажды, под вечерок, приехала соглашательская воинская часть на грузовике, чтобы забрать у Совета полученные в корниловщину пироксилин, порох, бомбы, оружие. Но выборжцы — травленные волки: по бумажкам у нас почти ничего не было, а что было реально — об этом знали районный комитет да президиум районного Совета; и «доблестный» отряд, под насмешки окружающих рабочих, получил ненужные нам пустячки, а всё пригодное осталось в верных местах до поры до времени.

А Ильич из подполья писал и писал неустанно, и нам, в районном комитете, Надежда Константиновна (Крупская) очень часто читала эти рукописи. Огненные слова вождя увеличивали нашу силу, вселяли какую-то необычайную ясность в головы. Помню, как сейчас, склонившуюся фигуру Надежды Константиновны в одной из комнат районной думы, где работали машинистки, тщательно сверявшей рукопись с оригиналом, и тут же рядом «Дядя» и «Женя», просящие по копии. Эти строки из первых рук служили как бы вполне заслуженной наградой за революционную четкость района, и члены районного комитета, читавшие эти копии, так это и понимали.

Помню, как однажды «Женя» сказала мне:

— Вам, Николай, нужно будет время от времени передавать записки товарищу Сталину.

И дала мне адрес на Пески. Тов. Сталин, хотя и был легальным большевиком в Петроградском Совете, но для

большого удобства не прописывался. Помню, как сейчас, как я получил записки Ильича (об этом я догадывался) от «Жени» и на трамвае или пешком добирался на одну из Рождественских улиц к Сергею Яковлевичу Адилуеву, у которого жил Сталин.

Однажды Сталин как-то спросил меня, знаю ли я, от кого эти записки; я ответил, что хотя и не говорили от кого, но я догадываюсь, что эти записки от Ильича. Тов. Сталин усмехнулся и, по обыкновению, просил меня подождать. Через 20—30 минут с его запиской я поехал обратно в Выборгский районный комитет и передал всё «Жене». За записками приходила хозяйка квартиры, где нелегально жил Владимир Ильич.

А на заводах влияние нашей партии росло всё больше и больше; даже и там, где я работал (у «Старого Леснера»), это бросалось в глаза. Собрание следовало за собранием, возгласы: «Пора бросить канитель, а нужно брать власть в руки рабочих и крестьян, сбросив министров — защитников капиталистов», — становились обычными и популярными. Чтение нашей большевистской прессы, как она ни давилась соглашателями, всё увеличивалось и увеличивалось. Наиболее активные революционные элементы рабочих, не слушая никаких соглашательских насмешек, шли в Красную гвардию. И вот, наряду с партийным и советским центром, начал выступать центр военный — штаб Красной гвардии.

Помещение на Большом Сампсониевском проспекте для районного комитета и районного Совета стало мало, а работа всё увеличивалась и увеличивалась, людей становилось всё больше и больше. Первым выехал районный Совет, потом районный комитет на Лесной проспект в дом № 13; там же с ним поместился и красногвардейский районный штаб.

Питерский пролетариат краснел всё больше и больше. В Петроградском Совете большевики имели подавляющее большинство, а когда соглашатели во времена «предбанника»¹ созвали Петроградский Совет, то большевик становится председателем Совета. Созыв Питерского Совета, выборы в «учредилку» показали и нам и соглашателям действительное, реальное соотношение сил революции и контрреволюции в Питере.

---

¹ Предпарламента.

Ильич в своих статьях, которые мы, выборжцы, с удовольствием читали в рукописях, настаивал на решительных шагах, на решительных действиях. Собрания Петербургского комитета партии — сокращенно Цека (куда я тоже входил от Выборгского района и состав которого был буквально федерацией районов) — созывались всё чаще и чаще. Петербургский комитет большевиков отражал существующее настроение районов и вполне подтверждал доводы Ильича и стоял за них. Собрания Цека ближе к развязке событий становятся закрытыми. Федерация начинает стесняться, выделяется исполнительная комиссия Цека; как руководящий политический штаб в нее входят Володарский, Лашевич и другие. Представители Цека начинают дежурить каждый вечер, устанавливается связь с районами.

Цека из Нарвского района переселяется в первый этаж Смольного, но уже почти не собирается. Работает исполнительная комиссия, и не столько она, сколько Цека партии. Представители районов начинают обычно приглашаться на заседания фракции большевиков Петроградского Совета в комнату 18 первого этажа Смольного. Расширенные собрания с районами обсуждают под руководством Цека назревающие события. Эти собрания становятся всё более обширными и более бурными. Рязанов, Чудновский высказываются на этих собраниях против взятия власти; Яков Михайлович Свердлов, Сталин, Феликс Дзержинский и многие другие не менее горячо защищают решительные шаги, предлагаемые Владимиром Ильичем.

Практика и действительность требуют не теоретических разглагольствований, но и дела, а большевики этим всегда отличались: возникает Военно-революционный комитет Петроградского Совета. С его возникновением стихия революционной активности пролетариата приобретает руководящий центр.

Я помню, до переезда Цека в Смольный мне ни разу не пришлось бывать в Петроградском Совете. И только дежурства в Смольном для связи с районом членов Цека сделали его для меня почти в продолжение полумесяца постоянным местопребыванием. Вместо работы на заводе я изо дня в день проводил в Смольном, созваниваясь с районным комитетом, чаще же ходил туда пешком,

а когда было необходимо, дежурил в Пека, а также и в райкоме.

Помню, как «Женя» 24 октября поздно вечером послала меня в Военно-революционный комитет к тов. Сталину узнать, где Ильич. Дело в том, что он вечером куда-то ушел, оставив в комнате записку хозяйке, что ушел тогда-то. Узнав об этом, мы в душе испугались за Ильича, но в то же время было и отраднo, что Ильич решил вмешаться сам и положить конец колебаниям в Цека. Помню, как я потом прибежал к тов. Сталину, еле его вызвал с заседания Военно-революционного комитета и спросил об Ильиче, сказав, что об этом очень просила узнать Надежда Константиновна. Он мне сказал, что Надежда Константиновна уже обо всем известна. В районе я узнал, что Ильич сам сидел уже в комнате Военно-революционного комитета.

У Смольного и в Смольном была деловая, революционная толчея, то же было в районе. Против штаба Красной гвардии по Большому Сампсониевскому проспекту в доме № 33, где в это время помещался районный комитет с районным Советом, стояли и лежали красногвардейцы, запряженные повозки. Немного позже вся эта картина становилась всё более привычной и более массовой. Чайная штаба кишела вооруженными рабочими с разных заводов, то же было и в столовке «Зимний сад» у парвйайненцев. Помню, как мы не раз компанией — «Женя», Нарчук, Ефимов, Селицкий, Алексеев, Петр, я и другие товарищи — заглядывали поздно вечером в «Зимний сад» и под звуки музыки и шумных разговоров просиживали за товарищеской болтовней по нескольку часов, отдыхая таким образом от той напряженной работы, которую нес каждый из нас.

Чем ближе было к перевороту, тем чаще бывало соседи по станку спрашивали:

— Ну что, скоро свергнете министров-капиталистов?

А так как завод отличался отсталостью, то часто говорили:

— Вот вы, большевики, испортите поспешностью всё дело.

В ходе революции всё же многие из этих товарищей по станку выровнялись и вели исправно и безупречно советскую работу.

Перед глазами встает вся та кипучая деятельность, которая проходила на улицах района, в заводских столовых, а главное — на Большом Сампсониевском проспекте в доме № 33, где собирался весь лучший революционный элемент района; одни шли в районный комитет, другие — в районный Совет, третьи — в штаб Красной гвардии. Даже поздняя ночь в решительные дни не уменьшала числа посетителей. В районный комитет шли сообщения с заводов и сообщалось о том, что делается в центре, на Гатчинском фронте, в Москве, в провинции. Совет осаждался всякими организациями: завкомами, учреждениями, просто гражданами. Штаб Красной гвардии руководил охраной и порядком в районе. Это он в свое время не дал изолировать Выборгскую сторону от города и не позволил развести мосты, прилегающие к району. Выборгский штаб Красной гвардии, можно сказать, был филиальным отделением Петроградского Военно-революционного комитета. Во всякую критическую минуту выручал Выборгский штаб. Ведь недаром и Ильич жил перед решительными днями на Выборгской стороне, именно в том районе, куда не особенно любила заглядывать контрразведка Временного правительства, боясь этого района, как огня.

Оттого что я всё время служил по стечению обстоятельств какой-то связью между районным комитетом и Пека, мне не пришлось в Октябрьские дни держать в руках винтовку, кроме того револьвера, который выдал мне в те дни секретарь Пека. Про все вооруженные схватки как в Питере, так и в его окрестностях я знал со слов очевидцев-участников, приходивших из-за застав голодными, уставшими, с ногами по колено в грязи (шли отчаянные осенние дожди, и в окрестностях была грязь). Тем не менее товарищи были настроены великолепно, преданность своему родному, рабочему делу была необычайная, все неудобства, заметные в другое время, исчезли, перед глазами стояло лучшее будущее, за которое боролись революционные элементы страны, лучшие силы пролетариата. И преданность делу, классовое чутье взяло верх — пролетариат стал у власти.

